

"Веч. Ленинград"
25 марта 1968г.

Михаил ИСАКОВСКИЙ

ГОРЬКИЙ — В МОЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СУДЬБЕ

В день похорон А. М. Горького по радио выступила восьмидесятилетняя Анна Кирилловна Заломова — прототип героини повести Горького «Мать».

Свою прощальную речь, полную материнской любви и печали, она закончила словами, которых нельзя забыть. Она сказала:

— Прощай, Олеша! Прощай, сынок!

Сказала и безудержно заплакала.

Вместе со всем народом и мы, советские литераторы, встретили весть о смерти Алексея Максимовича с невыразимой скорбью.

Общезвестен тот факт, что Алексей Максимович Горький с отеческой заботой следил за ростом советской литературы. Он искренне радовался появлению в литературе новых людей, новых талантов и всячески помогал их развитию, становлению.

В свое время А. М. Горький считал нужным «вмешаться» и в мою литературную судьбу.

В 1927 году в Москве вышла в свет моя первая книга стихов «Провода в соломе». В своих стихах я рассказывал, если определить кратко, о том новом, что принесла и несет Советская власть деревне — тогда еще единоличной.

Первые рецензии критиков на «Провода в соломе» были резко отрицательными, барски пренебрежительными. По существу говоря, они всю мою работу сводили на нет. Помнится, один критик из группы «Передел» совершенно недвусмысленно ставил вопрос: а мол, собственно, зачем и для чего было издавать подобную книжку?

В поэзии тех лет были еще весьма сильны всевозможные формалистические, декадентские течения. И некоторые критики советовали ориентироваться именно на них. Поэзия же, написанная простым, понятным человеческим языком, третировалась, зачислялась в низший разряд.

И в мою душу начали закрадываться сомнения: а может быть, действительно, я неправ? Может быть, в самом деле, следует писать более «изысканно»?

Все мои сомнения рассеял Алексей Максимович. В январе 1928 года в газете «Известия» появилась его «Рецензия» (так называлась статья).

Даже живя в то время вдали от Родины, Горький каким-то образом нашел возможность прочесть первую книжку никому не известного «смоленского поэта» и выступить в ее защиту.

В конце своей «Рецензии» Алексей Максимович писал:

«Стихи у него простые, хорошие, очень волнуют своей искренностью. Впрочем, оговорюсь: я не считаю себя знатоком и тонким ценителем техники современного стиха. Страдаю пристрастием к стихам, простая форма которых насыщена ценным содержанием».

После появления в «Известиях» статьи А. М. Горького я написал ему письмо, в котором, в частности, рассказал, что у меня сильно болят глаза и это обстоятельство почти лишает меня возможности работать.

Недели через две я получил от Алексея Максимовича ответ, в котором он писал:

«Лечиться Вам совершенно необходимо, потому что — как же иначе Вы сможете учиться? Писать?»

Жду подробного ответа».

Вскоре после этого я получил второе письмо, в котором Алексей Максимович писал, что в Москве живет известный профессор-окулист М. И. Авербах, который успешно лечит тяжелые заболевания глаз, и что мне следовало бы поехать в Москву.

Такую отцовскую заботливость в среде литераторов я встречал первый раз в жизни, и она трогала меня до слез.

Большое желание увидеть Горького, встретиться с ним хотя бы на короткое время не покидало меня все лето.

Во второй половине сентября мне предстояло поехать в Москву — надо было показаться профессору М. И. Авербаху.

За неделю до отъезда я отправил Алексею Максимовичу письмо, в котором говорил о своем желании встретиться с ним. Адреса я не знал и просто написал: «Москва, Максиму Горькому».

Я не совсем был уверен, что письмо с таким ад-

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

ресом дойдет до Горького. Поэтому я приготовился к самому худшему.

Однако «худшего» не случилось.

Алексей Максимович ответил мне очень быстро. И он не только выразил согласие встретиться со мной, но и подробно указал, как лучше всего добраться до квартиры, где он остановился.

Часов в 12 дня я вошел в комнату, где за большим письменным столом, находившимся возле окна, сидел Горький. Он поднялся, поздоровался, усадил меня, начал разговор.

Я вряд ли смог бы сейчас воспроизвести сколько-нибудь точно, что говорил Алексей Максимович и что говорил (вернее — отвечал) ему я.

Алексей Максимович расспросил меня, как я живу, что делаю, в каком состоянии мое зрение и не нужно ли что-либо сделать для меня.

Я сказал, что мне прописали новые очки, но что их невозможно сделать в Москве, так как нет необходимых стекол. Горький попросил, чтобы рецепт на очки я оставил у него. Я это сделал, и очень скоро после отъезда Алексея Максимовича в Италию (он уехал осенью 1928 года) я получил очки, купленные по поручению Алексея Максимовича за границей.

Когда по инициативе Алексея Максимовича начал выходить журнал «Колхозник», меня пригласили сотрудничать в этом журнале.

Я не помню, в каком порядке печатались в «Колхознике» мои произведения, то есть что было напечатано первым, что вторым, но я помню все те замечания, которые Алексей Максимович сделал по поводу моих стихов.

Начну хотя бы со стихотворения «Любушка» (1935 год).

Помнится, газета «Правда» проводила тогда конкурс на песню, причем некоторые конкурсные стихи печатались на ее страницах предварительно, то есть еще до того, как они были положены на музыку. «Любушку» я, собственно говоря, писал тоже для «Правды». Но ее там почему-то не напечатали.

Я передал «Любушку» в журнал «Колхозник».

«Хозяйкой» журнала, то есть заведующей редакцией его, была Елизавета Захаровна Крючкова — жена П. П. Крючкова, который, как известно, много лет был секретарем Горького. Она часто, если не сказать каждый день, встречалась с Алексеем Максимовичем и знала, какого мнения был он о произведениях, отобранных редакцией для публикации в журнале: все эти произведения Алексей Максимович непременно прочитывал сам, прежде чем они отправлялись в печать.

И от нее я скоро узнал, что «Любушка» понравилась Алексею Максимовичу, что он сказал — ее надо непременно напечатать. Однако при этом посоветовал дать «Любушку» одному из композиторов.

Редакция так и поступила. По ее просьбе композитор И. П. Шнишов написал музыку, и «Любушка» появилась в журнале уже как новая песня. Кстати сказать, эта песня во второй половине тридцатых годов была очень популярной, облетела всю страну.

В свое время я написал стихотворение о кулаке, который в звериной ярости уничтожил все свое добро, порезал весь скот, задушил даже собаку, чтобы она «никому не досталась».

Я назвал это стихотворение «Ненависть», имея в виду ненависть кулачества к колхозному строю.

Стихотворение Горький одобрил, но заглавие «Ненависть» он перечеркнул и написал свое: «Кулак».

В тексте я ни разу не употребил слова кулак. Но стихотворение было написано таким образом, что всякий прочитавший его очень хорошо понимал, что речь идет именно о кулаке. И мне казалось, что это последнее обстоятельство вряд ли следует специально оговаривать.

Горький же хотел, по-видимому, сделать наоборот, то есть сразу, прямо и недвусмысленно подчеркнуть, с кем мы имеем дело, сразу же дать понять читателю, что в стихотворении говорится о кулаке, о враге.

Если я, может статься, чересчур уж подробно вспоминаю о своем сотрудничестве в горьковском «Колхознике», то лишь потому, что оно — это сотрудничество — сыграло очень большую роль в моей поэтической биографии. Даже в количественном отношении я в том особо памятном для меня 1935 году написал гораздо больше, чем обычно. И я не ошибусь, если скажу, что именно тогда начался некий новый период в моей поэтической работе, период более строгого и вдумчивого отношения к ней, период новых поэтических исканий.

На всем этом, несомненно, сказало влияние Горького, как оно не один раз сказывалось на работе многих советских писателей, на всей нашей литературе.

И сейчас я вспоминаю те времена с большой радостью, потому что они действительно были радостными и счастливыми для меня.

(АИП)